

SALTEDPEPPER

ЕЁ ВЛАСТНАЯ ПАРА

saltedpepper saltedpepper

Её властная пара

«China Literature»

saltedpepper s.

Её властная пара / s. saltedpepper — «China Literature»,

Содержание

1 Лучшая подруга Миа	5
2 Семья	8
3 Опасность надвигалась	11
4 Кошмар	14
5 Зейн Кинг	17
6 Пара	20
7 Хорошая девочка	23
8 Харпер Уиллис	26
9 Почему ты меня ненавидел?	29
1 °Сбежать	31
11 Потеря памяти	34
12 Казино	38
13 Невыразимая любовь	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Её властная пара

1 Лучшая подруга Миа

Пенелопа ПОВ

«Твой минет позапрошлой ночью был отвратителен. Ты что, забыла всё, чему я тебя учил? Тупая шлюха, неудивительно, что тебя даже собственная семья не любит». Высокая мускулистая фигура Скотта загрозила единственный выход из туалета. Его маленькие глазки уставились на меня, словно бледный монстр из «Лабиринта Фавна», готовый сожрать меня заживо.

«Язык проглотила? Раз уж ты не запомнила, давай повторим». Увидев, что я молчу, Скотт сделал два тяжёлых шага ко мне, и его внушительная фигура заставила меня отшатнуться на три шага назад.

«Э-это школа... с-сюда могут войти...» – нервно пробормотала я, дрожа, как ягнёнок, запертый в этом грязном мужском туалете в ожидании бойни.

Скотт пренебрежительно хмыкнул. «И что? Ты уже должна была к этому привыкнуть, мелкая сучка Вудса».

«Я не шлюха и не сучка...»

Он подходил всё ближе, и мой голос становился всё тише, пока не превратился в едва слышный шёпот. Скотт загнал меня в угол, не оставив пути к отступлению. Его потная, липкая ладонь надавила мне на голову, и по коже побежали мурашки.

Опять начинается... К горлу подступила тошнота. Это был не первый раз, но сколько бы я ни умоляла о помощи родителей или учителей, ничего не менялось. С тех пор как мне исполнилось четырнадцать и все узнали, что я безволчья, моя семья вела себя так, будто меня не существует. А учителя? Они просто хотели, чтобы Скотт, этот ублюдок, в этом году выпустился и убрался из школы к чёртовой матери. Конечно, они не стали бы поднимать шум из-за меня...

«Какого хрена ты зависла?» – Скотт внезапно сильно дёрнул меня за волосы. – «Нужен ещё один урок, да?»

Его дыхание, воняющее сигаретами, ударило мне в лицо. Я инстинктивно отвернулась, царапая его кулак в тщетной попытке освободиться. «О-отпусти меня!»

Но сила Скотта была подавляющей. Его хватка была каменной – сколько бы я ни вырывалась, всё было бесполезно.

В панике моя рука случайно ударила его по лицу.

ШЛЁП—

Резкий звук эхом разнёсся по туалету. Скотт на секунду замер, а у меня пропустило удар сердце.

Дерьмо. ДЕРЬМО!! Мне конец!!

Так и есть...

«Ах ты, грёбаная сука! Как ты посмела меня ударить?! Такая никчёмная безволчья, как ты, СМЕЕТ поднимать на меня руку?!» В ярости Скотт размахнулся и со всей силы врезал мне кулаком в живот. Крик вырвался из моего горла, и я рухнула на колени, корчась от боли.

«Открой свой грёбанный рот!»

ШЛЁП!!

Его ладонь хлестнула меня по левой щеке, а затем пальцы сомкнулись на моей челюсти, силой разжимая её. Другой рукой он расстегнул штаны и вытащил свой отвратительный, уродливый член.

ЧЁРТ ВОЗЬМИ!!!

Знакомый ужас захлестнул меня. Я зажмурилась, готовясь к неизбежному.

Хоть кто-нибудь... Пожалуйста, кто-нибудь... Спасите меня...

«Скотт! Кристина ждёт тебя у себя в кабинете – немедленно!»

Внезапно снаружи раздался странно высокий женский голос, как будто кто-то намеренно изменил его тембр.

Скотт замер. Я приоткрыла глаза ровно настолько, чтобы увидеть, как в его бусинках-глазках промелькнуло сомнение.

«Скотт! Поторопись! Она сказала, что если тебя не будет в полчетвёртого, то останешься на второй год!»

Как только голос умолк, Скотт раздражённо сплюнул. «Чёрт! Эта старая карга никак не отвяжется!» Он отпустил меня, натягивая штаны обратно. Перед уходом он сильно толкнул меня на пол. «В следующий раз не уйдёшь, сука».

Хах... Спасена...

Дверь туалета со скрипом открылась, а затем захлопнулась. Как только тяжёлые шаги Скотта затихли в коридоре, я вскочила на нетвёрдые ноги и вылетела из этой тесной, вонючей тюрьмы.

Снаружи мир был ярким и просторным. Я жадно глотала свежий воздух, представляя себя Тимом Роббинсом, сбежавшим через туннель и тюремную канализацию.

«Пенелопа! Пенелопа!»

Я обернулась. Миа – моя единственная подруга-человек, та, кто не знала, что я оборотень – неслась ко мне.

«Быстрее, надо бежать! Если Скотт поймёт, что я его обманула, он нас обеих убьёт!» Она схватила меня за запястье и потащила к школьным воротам.

Значит, это Миа позвала Скотта. Осознание нахлынуло, и я уставилась на её удаляющуюся спину. Миа была крошечной – всего метр пятьдесят пять ростом, – но за эти годы она спасала меня бесчисленное количество раз, как и сегодня. Если бы существовала награда «Лучшая подруга», я бы без колебаний вручила её Миа.

Мы неслись как сумасшедшие, не останавливаясь, пока не добежали до автобусной остановки. Миа согнулась, задыхаясь, и её длинные вьющиеся рыжие волосы упали ей на лицо. «Дэвид сказал... Дэвид сказал... – прохрипела она, с трудом говоря. – Если мы сегодня опять опоздаем, он урежет нам зарплату. Слава Богу... мы успели».

Дэвид был владельцем и шеф-поваром закуской, где мы с Миа подрабатывали уже два года. После того как мне исполнилось четырнадцать, моя семья обращалась со мной как с мусором. Им стало всё равно, жива я или мертва. Я стала паразитом в этом доме: просыпалась одна, сама покупала себе обеды в школе, и даже когда моя мать готовила ужин, она редко звала меня к столу. Мои сводные братья и сёстры? Они делали вид, что меня не существует.

В закусочной я бросилась на кухню, пока Миа переодевалась в форму официантки. Четыре изнурительных часа спустя наша смена наконец закончилась.

«Держи», – я протянула Миа сэндвич, пока мы, вымотанные, брели по улице.

Она откусила огромный кусок, а затем скривилась. «Фу, сэндвичи Дэвида по-прежнему отстой! Как можно так хорошо готовить стейки и так ужасно делать сэндвичи?!»

Её преувеличенное отвращение заставило меня фыркнуть. «Ну, потому они нам и достаются».

Миа, жуя, покачала головой, а затем указала на дом у дороги. Её глаза заблестели, когда она повернулась ко мне. «Пенелопа, если мы подкопим ещё немного, то сможем вместе снять жильё после этих каникул».

«Миа...»

«Я серьёзно. Переезжай ко мне. Твоя семья издевается над тобой. Тебе не следует там оставаться».

«Но ты не обязана делать это для меня...» Дом Миа был тёплым и любящим, полная противоположность моему. У неё не было причин уезжать, она просто знала, что мне нужно сбежать.

Она отмахнулась от меня и внезапно метнулась к автобусной остановке – приехал её автобус домой.

«До завтра, Пенелопа!»

«До завтра!»

Проводив её взглядом до автобуса, я пошла домой пешком. Закусочная была недалеко – обычно дорога занимала двадцать пять-тридцать минут. Конечно, будь у меня волк, я бы добралась за десять.

Но у меня его не было. Всё, что у меня было, – это Миа. И за неё я бы отдала свою жизнь.

Пока я шла, я проглотила последний кусок ужасного сэндвича, а мои мысли лихорадочно метались между завтрашним днём и будущим. Единственный способ покинуть мою стаю – найти свою пару. Если он заберёт меня в другую стаю, может, я смогу начать всё сначала...

Но что, если я его никогда не найду? Что, если следующая стая окажется такой же ужасной? Есть ли у меня вообще надежда?

Погружённая в свои мысли, я брела по знакомой тёмной тропинке. За последние два года я ходила этим маршрутом бесчисленное количество раз – я, наверное, могла бы пройти его с завязанными глазами. Но как только я шагнула глубже в тень, слабый, кислый запах пота щекотнул мои ноздри.

Стоп...

Я замерла, резко вдыхая. Мой пульс подскочил, а ужас поглотил меня целиком.

Этот отвратительный, знакомый запах...

Опасность.

Это Скотт.

2 Семья

Пенелопа ПОВ

Беги! Пенелопа, беги!

Кричал мой мозг.

Редкие уличные фонари криво стояли у кустов, их тусклый свет едва освещал несколько углов. Я мчалась по этой пустынной тропе, словно газель, на которую охотится гепард, вкладывая все до капли силы, чтобы избежать смертельного удара.

Черт! Если бы я только заметила раньше.

Мое обоняние острее, чем у большинства людей, но даже близко не такое острое, как у оборотня с волком. Если бы только у меня был волк – тогда я бы уловила этот запах намного раньше. Тогда я могла бы вообще избежать встречи со Скоттом...

Но у меня его нет. Так что теперь я вынуждена спасаться бегством, словно бродячая собака.

Мои ноги отчаянно двигались, легкие горели от недостатка кислорода, угрожая взорваться. Я хватала ртом воздух, отчаянно пытаюсь вдохнуть побольше.

Так устала... Так устала...

Но я не могла остановиться.

Позади меня шорох в кустах не прекращался. Я знала, что там Скотт, меньше чем в ста метрах от меня. Если я сейчас остановлюсь, он сожрет меня заживо.

До дома оставалось еще двести метров.

Я завернула за угол и вдалеке увидела теплый свет огней виллы впереди. Мое сердце упало.

Это был мой дом. Кто-то был дома.

Они знали, что Скотт и я были рядом. И все же никто не пришел мне на помощь.

В носу горько зашипало.

Я крепко прикусила нижнюю губу. Нет, Пенелопа. Сейчас не время плакать.

Звук позади становился все ближе, таким близким, что тяжелое дыхание Скотта, казалось, коснулось моего уха. Кожа на моей голове покрылась мурашками от ужаса, и я могла лишь слепо нестись вперед.

А потом – бух!

Камень на обочине подкосил меня, и я со всего размаху рухнула вперед.

Мне конец.

Прежде чем удариться о землю, я зажмурилась. Единственной мыслью в моей голове было не приготовиться к удару, а отчаянная надежда, что, может быть, я вырублюсь. Если Скотт собирался меня поймать, то потеря сознания была бы лучшим из возможных исходов.

«Ах!»

Острая боль пронзила мой лоб, когда я рухнула на землю. Болезненный стон вырвался у меня прежде, чем я успела его сдержать. Я медленно разлепила глаза, но Скотта нигде не было видно.

Как? Здесь никого не было. Неужели Скотт все-таки не пришел?

Я принялась. Кроме металлического привкуса собственной крови, в воздухе витал слабый запах пота.

Скотт был здесь. Но по какой-то причине теперь он ушел.

И все же я не собиралась рисковать. Вскочив на ноги, я, спотыкаясь и почти ползком, направилась к дому.

Обычно я избегала парадной двери, чтобы свести к минимуму контакты с семьей. Я всегда проскальзывала через заднюю дверь и шла прямо на чердак – в свою комнату. Но сегодня я почему-то передумала. Мне захотелось войти через парадную дверь.

Прежде чем я успела повернуть ручку, изнутри донесся смех. У меня перехватило дыхание, и то знакомое жжение вернулось в нос.

Хотя бы раз... Хотя бы раз, полюбите и меня.

Тяжело сглотнув, я повернула ручку и вошла внутрь. За обеденным столом собрались моя мать, София Вудс, и моя сводная сестра, Эмма Вуд, болтая и смеясь за ужином.

Как только они меня увидели, все замолчали. Затем, через три секунды, все отвернулись и возобновили разговор, как будто я и не появлялась.

Я застыла на месте, глядя на мать. Слезы мгновенно навернулись на глаза.

Нет, Пенелопа. Не плачь. Здесь никто не жалеет слабых. Но, несмотря на мой безмолвный приказ, слезы все равно хлынули.

Опустив голову, я бросилась в свою комнату и захлопнула дверь, запережившись внутри, словно спасалась от зомби во время апокалипсиса. Моя «комната» была едва ли 50 квадратных футов – такая маленькая, что в нее не помещался даже нормальный шкаф.

По сравнению с моими сводными братом и сестрой, мать относилась к ним скорее как к своим родным детям.

Никто не знал, что у моей матери раньше были каштановые волосы, как у меня. Но после того, как она вошла в семью Вудс, она перекрасилась в блондинку – и больше никто не видел ее натурального цвета.

Никто не знал, как она раньше баюкала меня на руках, как нежно гладила мои волосы и называла меня своим маленьким сокровищем. Но после смерти моего отца все изменилось.

Если бы я никогда не знала тепла, может быть, я смогла бы вынести холод...

Я вытерла слезы тыльной стороной ладони, но тут же поморщилась, когда острая боль пронзила ее. Посмотрев вниз, я поняла, что мои ладони и колени содраны в кровь, в раны ввелись крошечные камушки, а из них сочились струйки крови.

Должно быть, это случилось, когда я упала.

«Пенелопа».

Услышав свое имя, я поспешно утерла лицо и открыла дверь.

«Папа».

Высокая фигура снаружи принадлежала моему отчиму, Чарльзу Вудсу. Даже в среднем возрасте его золотистые волосы оставались густыми, а в его голубых, как океан, глазах таилась глубина, которую я никогда не могла разгадать. Он окинул взглядом мой растрепанный вид без удивления – в этом не было ничего необычного – но, как всегда, ничего не спросил.

«Я слышал, у вас в школе скоро выпускной». – Выпускной, о котором он говорил, был танцевальным вечером в честь окончания школы. – «Скажи им, что ты больна. Я тебя отпрошу».

«Да, папа». – Мой голос был тихим, голова опущена, я боролась с дрожью в голосе.

Никогда не посещать вечеринок. Никогда не привлекать к себе внимания. Это была его мантра с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать. Будучи единственной в семье Альфы без волка, мое существование было позором.

Он удовлетворенно кивнул и повернулся, чтобы уйти. Когда я подняла голову, я увидела Эмму, стоящую у лестницы и ухмыляющуюся мне – до тех пор, пока она не заметила взгляд папы. Ее выражение лица мгновенно сменилось на милое и послушное, какой она всегда притворялась.

«Папа». – Она взяла его под руку, ее голос был приторно-сладким. – «Раз уж скоро выпускной... я видела новое шикарное платье от Шанель. Можно мне его?»

«Конечно, милая. Все что угодно для моей маленькой девочки».

«Спасибо!» – Она поцеловала его в щеку. – «Ты самый лучший папа на свете!»

У меня все поплыло перед глазами. Прежде чем слезы снова успели хлынуть, я захлопнула дверь.

Все в порядке, Пенелопа. Ты к этому привыкла.

Дзинь-дзинь... Дзинь-дзинь...

Мой телефон завибрировал. Я грубо вытерла лицо, прежде чем ответить.

«Привет, Миа...»

«Пенелопа! Ты слышала?»

«Что слышала?»

«Это... Постой, почему у тебя такой странный голос? Ты плакала? Они снова тебя обидели?»

«Нет, просто... аллергия».

«А. Ну, знаешь что? Райан мне только что сказал – Зейн пойдет на выпускной перед отъездом!»

Что? Я не ослышалась? Зейн пойдет на выпускной?

«Ты имеешь в виду...» – Я запнулась.

«Да! Твоя любовь, Зейн, придет на выпускной! Видимо, его младшая кузина выпускается вместе с нами, так что он ее подвезет. Это может быть твой последний шанс с ним!»

Одно лишь упоминание имени Зейна Кинга заставляло бабочек в моем животе порхать. Это великолепное лицо – взъерошенные каштановые волосы, эти до глупости идеальные зеленые глаза – мгновенно возникло у меня в голове. Я прямо почувствовала, как запылали мои щеки, что было так неловко.

Зейн был на три года старше меня, учился в одном классе с моим сводным братом Остином. Когда они были в выпускном классе, они были, по сути, королями нашей школы. Каждая девчонка была влюблена в одного из них или в обоих сразу. Конечно, я была по уши влюблена, как и все остальные, но моя влюбленность была другой. Я знала его с детства, а это означало, что я была в него безнадежно влюблена, кажется, целую вечность.

Я почти сказала «да», пока острая пульсирующая боль в ладони не вернула меня к реальности. Мой отец. Моя семья. Они не хотели, чтобы меня видели на публике.

«Прости, Миа. Я не могу пойти».

«Пенелопа». – Ее голос понизился, как всегда бывало, когда она говорила совершенно серьезно. – «В ту ночь не просто выпускной. Это твой день рождения. Ты действительно хочешь провести свое восемнадцатилетие в одиночестве на этом чердаке? Пора жить своей собственной жизнью. Если ты боишься, что они узнают, мы будем осторожны. Хорошо?»

Я молчала. Она была права. Я действительно заслуживала своей собственной жизни. Если я смешаюсь с толпой, если я просто украдкой взгляну на Зейна издали... может быть, никто и не заметит.

«Хорошо, Миа. Я пойду. Я пойду тайно».

Никто не узнает.

3 Опасность надвигалась

Пенелопа ПОВ

За окном тяжело нависли тёмные тучи, их пепельные громады давили на крышу школьного здания. Но, несмотря на гнетущий мрак, дождь всё никак не начинался, создавая особенно удушливую атмосферу. В классе учитель за кафедрой щёлкал слайдами презентации. Я делала вид, что слушаю, но все мои мысли были заняты подсчётом сбережений. Несмотря на то, что я экономила на всём и откладывала каждый день, моих средств было далеко не достаточно – по крайней мере, не хватало, чтобы позволить себе снимать квартиру в одиночку и при этом потратить сотни долларов на платье.

Сначала я думала не покупать платье. Но когда я стояла перед своим жалким, пустым гардеробом – который на самом деле был просто самодельной полкой – и бесплодно в нём рылась, не сумев найти ни одного приличного платья, я поняла, что этих трат не избежать.

Я не могла позволить себе транжирить, но, по крайней мере, в день, когда мне исполнится восемнадцать, я хотела выглядеть хоть немного красивее – даже если бы я была единственной, кто это увидит.

Мой взгляд соскользнул со слайдов презентации на пустующее место Мии, и меня пронзило чувство одиночества.

Миа всё ещё болела гриппом дома, а это означало, что мне придётся работать свою смену в ресторане в одиночку.

В одиночку.

Большую часть жизни я провела в одиночестве. Я была слишком одинока. Если бы только у меня был волк, если бы только у меня была пара – тогда у меня был бы хотя бы один спутник.

Прозвенел звонок, возвещая об окончании урока. Когда я собирала сумку, чтобы отправиться в ресторан, ко мне подошла незнакомая черноволосая девушка.

– Ты Пенелопа Вудс?

– Да, – нерешительно ответила я. – Чем могу помочь?

– Зейн велел передать, чтобы ты встретила с ним в садике после школы.

– Ч-что? – Зейн? Тот самый Зейн, которого я знала?

Но девушка не стала ничего объяснять. Не говоря ни слова, она развернулась и ушла.

Я застыла на месте, не зная, что делать. Зачем Зейну понадобилось со мной встречаться? Он никогда раньше не разговаривал со мной в школе. Он вообще помнил, кто я такая?

Никто, кроме Мии, не знал о моей влюблённости в Зейна, так что шансы, что это ловушка, были невелики. Я взглянула на часы на стене. Если я только одним глазком взгляну, у меня всё равно останется достаточно времени, чтобы успеть в ресторан.

Да, я просто загляну. Если там никого не будет, или если это какой-то другой Зейн, я сразу же уйду.

Против потока учеников я направилась к задним воротам школы. Садик возле ворот был уединённым, но живописным местом, с небольшим лабиринтом из живой изгороди. Раньше он был популярным местом для свиданий у парочек, но после серии ограблений и нападений люди перестали туда ходить.

Бум... По небу пронёсся низкий раскат грома, приглушённый, будто его завернули в ткань. Звук был тяжёлым, зловещим, но дождь по-прежнему не начинался. Мои пальцы крепче сжали лямку рюкзака, и в животе свернулась тревога.

Что, если это действительно Зейн? Что я вообще ему скажу?

Внезапно я остро ощутила собственное тело – слишком тощее, грудь слишком маленькая, бёдра недостаточно округлые, одежда безнадёжно устарела.

Может, мне и вправду стоит купить себе пару новых нарядов.

Погружённая в эти мысли, я подошла ко входу в сад и обнаружила, что там никого нет. Ну конечно...

Как раз когда я не могла решить, что чувствую – разочарование или облегчение, – мой взгляд зацепился за нейлоновую сумку-слинг цвета хаки, видневшуюся из-за ворот.

Это была та самая сумка, которую всегда носил Зейн.

Я сглотнула, чувствуя, как пересохло в горле, и осторожно шагнула к сумке.

– Зейн? Ты звал меня? – тихо позвала я.

Ответа не последовало.

Я попробовала снова, на этот раз немного громче.

– Зейн?

– Так это правда. Тебе и вправду нравится Зейн. Ха-ха-ха-ха-ха!

За моей спиной раздался грубый, скрипучий голос. Я резко обернулась, и пара злобных, прищуренных глаз впились в меня.

Скотт...

– Выглядишь удивлённой. Что, в шоке, что я знаю о твоей маленькой влюблённости? – Ухмылка Скотта растянулась неестественно широко, его глаза выкатились от возбуждения, словно у демона. – Угадай, кто мне сказал?

Кто? Кто это мог быть? Миа? Нет, невозможно... я отказывалась в это верить...

Моё лицо побледнело, губы неудержимо дрожали.

– Похоже, малышка Вудс вот-вот заплачет и позовёт мамочку! – Скотт загоготал, вальяжно подходя, пока не оказался прямо передо мной. Он наклонился, и его горячее влажное дыхание коснулось моего уха. – Хочешь, я скажу тебе? Мм?

Его потная, липкая ладонь соскользнула с моего плеча на шею. Я стояла парализованная, словно заколдованное пугало, не в силах пошевелиться.

– О-о, как жалко. – Увидев слёзы, выступившие у меня на глазах, Скотт ухмыльнулся ещё шире. Без предупреждения он сжал мою шею, заставляя меня опуститься на колени. – Но знаешь что? От твоих слёз у меня только сильнее встанёт!

Одной рукой он расстегнул пуговицу на джинсах; другой схватил свой толстый, набухший член и прижал его к моим губам. Я инстинктивно дёрнулась назад, но рука дёрнула меня вперёд, пальцы впились мне в челюсть, заставляя открыть рот.

– Открывай пошире и делай свою работу!

Его член без предупреждения ворвался в мой рот, уперевшись в самое горло. Меня тут же охватил рвотный позыв, но не успела я прийти в себя, как он толкнулся снова, ещё сильнее.

– Соси нормально! Мне что, всему тебя учить?

Скотт схватил мою голову обеими руками и, как животное, начал трахать мой рот. Его бёдра двигались всё быстрее, а член набухал ещё сильнее.

– А-ах... ах... – Он откинул голову назад, тяжело дыша, не сбавляя своего жестокого темпа. Предэякулят стекал мне в горло, а челюсть болела так, словно вот-вот её вывихнут.

Внезапно он выдернул член. Я закашлялась, давясь и жадно хватая воздух.

Но Скотт не стал ждать. Он схватил меня за волосы, потащил в укромный угол и начал срывать с меня одежду.

– Нет! Прекрати! Пожалуйста, отпусти меня!

Я кричала, билась под ним, но мои силы не шли ни в какое сравнение с его. Он без труда придавил меня к земле, его вес казался неподъёмным.

– Заткнись и раздевайся! Ты для этого и рождена! – Он сорвал с меня лифчик, кусая и посасывая мою грудь, пока я не взвизгнула от боли.

Его мокрый, слюнявый рот проложил дорожку к моему пупку. Я беспомощно смотрела в небо, а к горлу подкатывала тошнота.

Решив, что мои руки слишком ему мешают, Скотт схватил моё брошенное нижнее бельё и туго связал им мои запястья. Он ухмыльнулся, сжимая мою челюсть. – Веди себя хорошо, и я буду с тобой понежнее.

– Пожалуйста, не надо... – мой голос сорвался на рыдания.

Жестоко рассмеявшись, он стянул с меня штаны, полностью обнажив. Он силой раздвинул мне ноги и стал тереться о меня своим членом, и от этого скользкого трения по коже побежали мурашки отвращения.

Я крепко зажмурилась, пытаюсь отгородиться от ужаса происходящего – этого изнасилования без всякой надежды на спасение.

Скотт мрачно хмыкнул и, наклонившись, прошептал мне на ухо:

– А вот и я, ха-ха-ха-ха-ха!

4 Кошмар

ПОВ Пенелопы

– А-а-а-а-а-а-ах!!!

– Пенелопа, какого черта с тобой не так?! Не хочешь спать – проваливай отсюда!

Я села на кровати, вся в поту, задыхаясь. – П-прости... Мне приснился кошмар.

За дверью Эмма что-то пробормотала себе под нос и ушла прочь тяжелыми шагами. Я так и осталась сидеть, все еще тяжело дыша, едва разбирая ее слова – потому что во сне я заново пережила тот момент, когда Скотт зажал меня в саду. С того дня у меня несколько суток держалась высокая температура. Даже сейчас, недели спустя, во сне я все еще слышала демонический шепот Скотта.

В тот день, когда Скотт заманил меня в ловушку в саду, в тот самый миг, когда я подумала, что мне конец, – давившая на меня тяжесть вдруг исчезла. Я услышала лишь полный боли вой Скотта.

– Агх!!! – закричал Скотт.

Я открыла глаза и увидела, как он, отброшенный на несколько метров, катится по земле, словно бочка. Передо мной стоял мой сводный брат, Остин Вудс.

Остин был одет в обычную домашнюю одежду, словно только что вышел из дома. Он посмотрел на меня сверху вниз – полуголую, свернувшуюся на земле, как беспомощная криветочка, – с нескрываемым презрением. – Знаешь, почему ты – позор этой семьи, Пенелопа Фаннинг?

Как только эти слова слетели с его губ, на моих глазах навернулись слезы. Не от благодарности, а от горя. Пенелопа Фаннинг – это было мое настоящее имя. После того как мама снова вышла замуж, я стала Пенелопой Вудс. Уже много лет никто не называл меня «Фаннинг»... кроме Остина.

Этим он давал понять, что не считает меня частью этой семьи.

– Одно дело проиграть в драке, но ты не смогла даже убежать от волка низкого ранга. Пенелопа Фаннинг, какое право ты имеешь называть себя Вудс?

– Я... я пыталась... – Я пыталась убежать, хотела сказать я.

– Пыталась плакать? Вот и все? Думаешь, твои жалкие слезы что-то значат? – усмехнулся Остин, обрывая меня. Он отвернулся и пошел к Скотту.

Скотт едва успел подняться на ноги после того, как прокатился по земле, – как Остин одним ударом ноги снова повалил его на землю.

– Щенок из стаи Янг смеет устраивать здесь проблемы? Думаешь, ты достоин? Проваливай!

– Агх!

Скотт снова взвыл, но на этот раз не колебался. Он вскочил на ноги, как побитая собака, и бросился наутек, даже не потрудившись натянуть штаны.

– Собираешься лежать здесь, пока не появится следующий насильник?

Голос Остина был ледяным, лишенным тепла, как холодный металл. На мгновение он заставил меня забыть о страхе и горе, заставил подчиниться и поспешно прикрыться.

По правде говоря, в этом доме я боялась больше всего не Чарльза, а Остина. Один его взгляд мог заставить меня дрожать часами. Он был прирожденным Альфой. Всего в двадцать лет его размеры и боевые навыки уже могли сравниться с показателями моего отчима. Хуже того, его сила все еще росла.

А значит, он превзойдет Чарльза.

Неуклюже натягивая штаны, я вдруг поняла, что Остин уже исчез.

БУМ!

В небе прогремел гром, и наконец-то пошел дождь.

Кап. Кап. Кап.

Тяжелые капли дождя барабанили по земле. Сад опустел – ни людей, ни ветра. Если бы не жгучая боль от ран, я могла бы подумать, что все это было сном. Но я знала, что это не так.

Даже если бы это и был сон, то это был кошмар.

И вот теперь, недели спустя, он все еще преследовал меня.

Я схватила телефон с тумбочки и увидела несколько сообщений от Мии.

«Пенелопа, выпускной будет в отеле „Версаль“. Ты уже купила платье?»

«Пенелопа, ты в порядке? Почему не отвечаешь? Я волнуюсь».

«Пенелопа, ты где пропадала? Ответь, как только увидишь, хорошо?»

Это Миа меня предала?

Да. Это была она. Холодный, логичный голос прошептал в моей голове. Но я яростно замотала головой, пытаясь заставить его замолчать.

Это не может быть Миа. Если я потеряю ее, у меня никого не останется. Никто в этом мире не любил меня – кроме Мии. Даже если эта любовь фальшивая, я приму и ее.

«Я в порядке. Увидимся завтра в школе». Мои пальцы дрожали, когда я нажимала «Отправить». В тот момент, когда сообщение было доставлено, на экран упала слеза.

Я вздрогнула и подняла глаза. Это была моя слеза.

Разве это плохо – ненавидеть одиночество? Хотеть, чтобы тебя любили? Я не слабая, сказала я себе. Я просто... ценю дружбу.

На следующее утро я собрала сумку в школу. Спускаясь вниз, я замерла – Остин все еще сидел за столом для завтрака, что было редкостью. Обычно к этому времени он уже был на тренировке или на занятиях.

Две неловкие секунды я смотрела на него, вспоминая, как рыдала перед ним – нагая и сломленная. Часть меня хотела вернуться в свою комнату, но сегодня мне нужно было в школу. Поэтому я заставила себя идти вперед, делая вид, что его здесь нет.

– Эмма упомянула, что у тебя скоро выпускной.

Его голос заставил меня замереть на месте. Я огляделась. Поблизости больше никого не было.

Остин... заговорил со мной?

– Ты забыла все правила этикета, которым тебя учили в школе? – Он постучал указательным пальцем по столу. Когда я осмелилась встретиться с ним взглядом, его глаза были полны такого нетерпения, что я тут же отвернулась.

– Да, – прошептала я, едва слышно.

Остин перестал стучать. Между нами повисла тишина.

Словно отруганный ребенок, я прикусила губу, а потом поняла, что он задал два вопроса, а я ответила только на один. – Я имею в виду, да, выпускной...

– Не появляйся там, – его слова прозвучали ледяным тоном, в котором слышалось нечто близкое к ненависти.

Обычно я бы послушно согласилась. Но сегодня его внезапная злоба ошеломила меня настолько, что страх на мгновение отступил. – Почему? – выпалила я, глядя на него.

Остин был объективно красив – золотистые волосы, пронзительные зеленые глаза, то непринужденное обаяние, от которого млела каждая девушка в стае Темного Леса. Но если бы вы так же часто, как я, становились объектом его презрения, у вас бы тоже выработался иммунитет.

Он резко встал и одним шагом сократил расстояние между нами. Его взгляд был настолько напряженным, что все инстинкты кричали мне отступить, но я каким-то образом устояла на месте.

– Член Скотта был вкусным? – пробормотал он, достаточно громко, чтобы я услышала. Достаточно громко, чтобы унижить.

Кровь бросилась мне в лицо. – Ты...!

– Видишь? – его губы скривились в холодной усмешке. – Ты только и делаешь, что плачешь и умоляешь. Вот почему я не хочу, чтобы ты появлялась на людях, Пенелопа Фаннинг. Ты слабая. Ты – позорище.

Его взгляд метнулся к моей шее – всего на секунду, так быстро, что я почти не заметила, – прежде чем он повернулся и ушел.

Я смотрела на его удаляющуюся фигуру, сжав кулаки, сдерживая слезы, хотя дыхание сбивалось на рваные вздохи.

«Я скоро покину этот дом, – беззвучно поклялась я. – Я выберусь отсюда».

5 Зейн Кинг

Пенелопа ПОВ

Я стояла перед зеркалом, прикладывая к себе два платья. Бледная, стройная девушка в отражении обладала утончёнными чертами, но выглядела робкой и казалась переполненной тревогой. Наконец Миа не выдержала и заговорила: – Даже если ты будешь пялиться на него ещё час, это платье не подешевеет. А магазин вот-вот закроется.

– Знаю, Миа, но то, что подешевле, чересчур откровенное. У него слишком глубокий вырез. – Я подняла платье на тонких бретельках, которое держала в правой руке, – лиф едва прикрывал соски. Стоит мне сделать резкое движение, и оно точно сползёт, выставив меня на всеобщее обозрение.

Миа закатила глаза. – Ты преувеличиваешь. Оно закрывает всё как минимум на пять сантиметров ниже сосков. Поверь, никакого конфуза с одеждой не случится. И самое главное – оно на сто баксов дешевле.

Я обречённо вздохнула. Миа была права. Хоть другое платье и было больше похоже на то, о котором я мечтала, цена этого была слишком соблазнительной, чтобы от него отказываться. Подумать только, на десять сантиметров меньше ткани – и на сто долларов дешевле. Любой здравомыслящий человек сделал бы тот же выбор.

– Оно правда не сползёт? – с сомнением разглядывая себя в зеркале, спросила я.

Миа отмахнулась. – Расслабься, мы завтра идём на выпускной, а не через барьеры прыгать. Как ты вообще умудришься что-то показать?

Всё ещё колеблясь, я повесила дорогое платье на место и пошла за Мией к кассе. Последние несколько дней я наблюдала за ней, но она вела себя как обычно – по крайней мере, она не была похожа на предательницу.

– Завтра, – непринуждённо спросила Миа, протягивая мне упакованное в пакет платье, – твой брат придёт?

– А? – я моргнула. – Ты про Остина?

– Ага. Эмма ведь тоже идёт на выпускной, да? Он в ней души не чает, так что, наверное, проводит её до отеля «Версаль», верно?

Воспоминание об унижительном шёпоте Остина вспыхнуло в памяти, вызывая раздражение. – Понятия не имею, – холодно ответила я.

Кажется, моя внезапная резкость озадачила Мию. Она смерила меня взглядом, но в итоге ничего не сказала и отвела глаза.

Прежде чем отправиться домой, я запихнула платье на самое дно рюкзака, а пакет из магазина выбросила в мусорку. Как обычно, я проскользнула в дом через чёрный ход и обнаружила, что внутри темно и пусто.

Дома никого не было.

Возможно, из-за чувства вины я, словно воровка, на цыпочках стала подниматься по лестнице.

– Что ты здесь делаешь?

– А-А-А!!!

Я чуть из кожи вон не выпрыгнула. Обернувшись, я увидела, что позади меня стоит Остин. Он появился внезапно и бесшумно.

Чёрт возьми! Почему опять он?

– Где ты была? – требовательно спросил Остин.

– Я... я была на подработке, – пробормотала я, умолчав о походе по магазинам.

– Почему так поздно?

– Я... – я лихорадочно соображала, что бы соврать, как вдруг поняла: Остин знает моё обычное расписание. От этой мысли у меня в голове опустело, словно я упускала что-то важное, но никак не могла ухватиться за мысль.

– В ресторане было много народу, поэтому пришлось задержаться, – выпалила я, ухватившись за первую же правдоподобную ложь.

Остин подозрительно сощурился. Моё сердце заколотилось.

Он поймёт, что я лгу? Что, если он проверит мой рюкзак? Смогу ли я вообще попасть завтра на выпускной?

Я крепко вцепилась в лямки рюкзака. И как раз в тот момент, когда я уже была готова во всём признаться, Остин сказал: – Мне нужно кое-что уладить сегодня. Я вернусь только завтра вечером.

Я кивнула, не понимая, зачем он мне это говорит. Впрочем, он и не стал ничего объяснять – просто развернулся и ушёл.

Я тяжело выдохнула, чувствуя, что чудом избежала катастрофы.

Всю ночь в голове роились обрывки мыслей: выпускной, Зейн, Скотт, Миа... и, наконец, холодный, пронзительный взгляд Остина, который не отпускал меня, пока я не уснула.

Во сне я вернулась в тот день, когда впервые встретила Остина.

Тогда он был добр ко мне. Но в какой-то момент – может, когда все узнали, что у меня нет волка, или позже, когда у меня начался переходный возраст, – он совсем перестал мне улыбаться.

Когда я окончательно проснулась, было уже два часа дня. Я вскочила с кровати и помчалась в душ, затем сделала депиляцию и отправилась к Мие умолять её помочь мне с макияжем и причёской. После этого мы должны были переодеться и вместе поехать в отель. По правде говоря, у меня не было ни приличной косметики, ни умения ею пользоваться, так что Миа была моей единственной надеждой.

К пяти вечера мы наконец были готовы. Мы поспешили в отель «Версаль» и приехали незадолго до восьми. «Версаль» был одним из самых роскошных отелей в округе, знаменитым своим пышным убранством в стиле барокко. Эмма праздновала здесь своё шестнадцатилетие, но меня, конечно, на праздник не пустили. Я впервые переступала его порог.

Вестибюль захватывал дух. С потолка свисала каскадная хрустальная люстра, украшенная латунными и инкрустированными бриллиантами цветочными узорами. Стены были расписаны замысловатыми фресками, некоторые из которых дополнялись мраморными скульптурами, отчего изображённые сцены казались живыми.

Толпа вокруг была воплощением элегантности и богатства. Я крепко вцепилась в одолженный у Мии пиджак, боясь его снять и чувствуя себя совершенно не в своей тарелке.

– Давай же, Пенелопа. Снимай пиджак, иначе зачем ты вообще покупала это платье? – Миа просто кипела от восторга. Вдруг она ахнула и указала пальцем вперёд. – О господи! Пенелопа, смотри! Харпер здесь!!!

На её визг обернулись. Я быстро зажала ей рот ладонью. – Тише!

Миа схватила меня за руку, увлекая за собой. Проследив за её взглядом, я увидела стоящую в центре толпы потрясающую златовласую девушку – она была выше большинства и сияла, словно звезда, в ослепительном золотом платье.

Харпер Уиллис. Из той же стаи, что и Зейн, – стаи Ночной Тени. По слухам, она была предназначенной ему Луной. Харпер была моей полной противоположностью. Если я в школе была незаметным второстепенным персонажем, то она – главной героиней: талантливая, харизматичная, блестящая ученица, наделённая сильным серым волком.

Я взглянула на Харпер, потом на свой нелепо сидевший пиджак. После короткой внутренней борьбы я всё-таки сняла его.

«Молодец, Пенелопа», – подбодрила я себя.

Танцы ещё официально не начались. Не желая таскаться хвостиком за Мией, я забилась в тихий уголок в надежде не столкнуться с Эммой.

– Привет, ты сегодня одна?

Я обернулась и увидела Генри, своего одноклассника. Он неловко улыбнулся. – Моя пара отказалась в последнюю минуту. Может... составишь мне компанию? Ты выглядишь потрясающе. Для меня это будет честь.

Я замерла. Меня впервые в жизни приглашал парень.

– О, я Генри Картер, – поспешно добавил он, когда я не ответила. – Из Класса 3. А ты из какого?

«О господи. Он меня даже не узнал».

От этого осознания я потеряла дар речи. Прежде чем я успела сообразить, как ему отказать, в другом конце зала поднялся шум.

– Зейн Кинг пришёл!!! – крикнул кто-то.

Я резко обернулась. У входа стоял мужчина, прекрасный, словно греческий бог. Высокий, властный, в строгом чёрном костюме, он одним своим появлением заставил толпу разразиться восторженными криками.

И тут до меня донёсся насыщенный древесный аромат, похожий на Терре д'Эрмес, заполнивший собой всё вокруг. Моё тело бросило в жар, ноги подкосились, и я чуть не рухнула на Генри.

В тот же миг мужчина у входа застыл. Его взгляд пронзил толпу и остановился на мне.

Наши взгляды встретились.

В наших головах прозвучало одно слово.

***Пара.

6 Пара

Пенелопа ПОВ

Всего за две секунды зрительного контакта я почувствовала, как мои пальцы задрожали и загорелись. Я знала, что каждая клетка моего тела кричит: «Я хочу этого мужчину». Зейн стоял на месте, не двигаясь, но его взгляд был настолько агрессивным, что казалось, будто он один мог раздеть меня догола.

Он тоже хотел меня.

Волнение, нервозность, страх – буря слишком сложных для осознания эмоций взорвалась в моей груди. Прежде чем мой разум успел подсказать, что делать, инстинкт взял верх, и я сбежала, словно дезертир, заведший своего генерала.

Гостиничный коридор тянулся, словно лабиринт, а тусклое, многозначительное освещение отбрасывало накладывающиеся друг на друга тени, затуманивая мой взор. Я не знала, как долго шла, когда наконец наткнулась на открытую пустую комнату. В тот момент, когда я шагнула внутрь, мои ноги подкосились, и я рухнула на колени.

Боже, его присутствие было ошеломляющим... и в то же время таким опьяняющим.

Я жадно хватала ртом воздух, отчаянно пытаюсь вдохнуть что-то свежее, чтобы прояснить голову, но его запах цеплялся за меня, окутывая, словно неотвратимый призрак. И, было ли это моим воображением или нет, казалось, с каждой секундой он становился все сильнее.

Тук, тук, тук...

Звук кожаных туфель о плитку становился все ближе, пока, наконец, с последним щелчком дверь за мной не закрылась. Я повернула голову, оцепенев от шока.

Это был Зейн Кинг.

Издалека я не заметила, но вблизи я увидела, как идеально его костюм облегал широкие плечи и узкую талию, подчеркивая безупречное телосложение. Я почти могла представить себе твердость его груди под дорогой тканью – на ощупь она должна была быть упругой. Зейн запер за собой дверь, проигнорировав меня на полу, и прошел к дивану у кровати, после чего сел.

– Пенелопа Вудс? – Его голос был низким, с нотками успокаивающей властности, но при этом пронизанный хрипловатым желанием, которое я тогда от нервов не смогла распознать. Вместо этого я утонула в пьянящей насыщенности его тембра, похожего на выдержанный виски.

– Отвечай. – Это был приказ.

– Д... да?

Я тупо уставилась на Зейна, внезапно заметив его глаза – орехово-зеленые, словно тайны, сокрытые в древнем лесу. Он изучал меня этими острыми, пронзительными глазами несколько секунд, прежде чем уголок его губ дрогнул в ухмылке. Затем он широко раздвинул свои длинные, прямые ноги.

Именно тогда я это и увидела – безошибочно узнаваемый бугор его желания.

Словно гора.

Я сглотнула, чувствуя, как мои и без того слабые колени ослабели еще больше.

– Подойди, или я трахну тебя прямо сейчас. – Приказ и угроза.

Может, дело было в ошеломляющем запахе, или, может, угроза была слишком шокирующей, чтобы ее осознать, но я подчинилась, словно послушная собака, и поползла к его ногам.

– Хорошая девочка. – Рука Зейна мягко обхватила мое лицо, а затем скользнула вниз по шее. – А теперь скажи мне свое имя.

– Пенелопа Вудс.

– Хочешь, чтобы я завладел тобой? – Его указательный и средний пальцы надавили между моих грудей, потирая медленным, осознанным движением – словно имитируя то, что должно было произойти.

Я задрожала. – Да...

– Конечно, хочешь, – пробормотал Зейн, и его рука внезапно скользнула мне между ног. – Ты уже мокрая.

Я опустила взгляд и увидела его руку под моей юбкой: пальцы поглаживали мои влажные трусики. Он даже подцепил пальцем ткань, оттягивая ее в сторону, чтобы очерчивать медленные, сводящие с ума круги у моего входа.

– Пенелопа Вудс.

– А... да? – мое дыхание сбилось, пока под его прикосновениями скапливалась влага.

– Ты хочешь быть моей Луной?

– ...Да...

– Какая хорошая девочка. – Губы Зейна коснулись моего уха, когда он холодно прошептал: – Но у тебя нет волчицы.

Контраст был разительным – наши тела так близко, наши движения так интимны, но его слова были подобны льду, мгновенно высасывая из меня все тепло. Я застыла, не в силах пошевелиться.

– Без волчицы, как ты выживешь в битве? Без волчицы, как ты воспитаешь следующее поколение стаи? И самое главное... – его голос стал ниже. – Без волчицы, как ты докажешь, что достойна быть Луной?

Каждый вопрос был гирей, давящей на меня, пока на глазах не выступили слезы.

Не плачь, Пенелопа. Я впилась ногтями в бедро, сдерживая слезы. Затем я встретила взглядом с Зейном и произнесла самым твердым голосом, на какой была способна: «Я смогу».

Нет, не смогу. Но я слишком сильно хотела Зейна, слишком отчаянно желала сбежать из Стаи Темного Леса. Я знала, что это мой единственный шанс – если я упущу его, то потеряю Зейна навсегда.

– Докажи. – Без предупреждения Зейн вонзил в меня палец. Резкий крик сорвался с моих губ, и я рухнула на него.

– Я... я смогу. – Я попыталась приподняться, но он удержал меня. – Что это у тебя на шее?

– Что?

Подумав, что он имел в виду мои старые шрамы, я инстинктивно потянулась, чтобы прикрыть их, но он рывкнул: «Не двигаться!»

Взгляд Зейна впился в мою шею, словно он пытался прожечь ее насквозь. Страх сковал меня – что-то в выражении его лица говорило мне не сопротивляться.

Прошла минута. А может, и целая вечность. Наконец он заговорил.

– Я передумал.

– Что? – прошептала я.

– Я дам тебе шанс. – Зейн отпустил меня и одной рукой приподнял мой подбородок. – Если хочешь быть моей Луной, тебе придется доказать свою ценность. Согласна?

Я смотрела в его орехово-зеленые глаза и видела в них собственное отражение – полное тоски и отчаяния. Жалкое зрелище.

– Тебе не нужно их одобрение. – Зейн схватил мою руку и прижал ее к своему твердому члену, его голос звучал размеренно. – Только мое. Так что сделка такова: будь моей шлюхой, и они будут называть тебя Луной.

Желание вспыхнуло. Жар в моей ладони напомнил мне о насмешливом лице Скотта.

Он был прав. Какая разница между мной и проституткой?

Человек с чувством собственного достоинства ушел бы. Но я не могла. Я хотела этого – хотела Зейна, хотела пару, хотела дом. Даже если для этого придется продать себя, я заплачу любую цену.

– Время вышло. Каков твой...

– Я согласна. – Впервые в жизни я кого-то перебила, но мой голос не дрогнул.

Глаза Зейна потемнели. Одним резким движением он швырнул меня на кровать, сбрасывая с себя одежду – сшитый на заказ костюм, дорогой ремень. Его рот впился в мою шею, зубы царапали кожу, пока он вдыхал мой запах. Его руки жадно блуждали по телу, грубо и властно сжимая мою грудь.

– Блядь, – прорычал он. – Я тебя уничтожу.

Я напряглась, мое тело окаменело. Я фантазировала об этом моменте, но теперь, когда он настал, все, что я чувствовала, – это ужас.

Но Зейн был не в состоянии что-либо замечать. Он задрал мою юбку, согнул мои ноги и прижался ко мне, его скользкий и тяжелый член терся о меня.

Я чувствовала его – твердого, настойчивого – давящего на мой вход, дразнящего, словно вор, проверяющий замок.

Я зажмурилась и приготовилась к вторжению.

7 Хорошая девочка

Огромная головка члена Зейна надавила на мой девственный вход. Его пугающая толщина невыносимо растягивала меня, хотя он вошёл лишь самую малость. С моих губ сорвался прерывистый стон, а ногти беспомощно впились в простыни. Его размер просто подавлял – словно меня пытались разорвать раскалённой сталью в бархатной оболочке.

– Больно! – выдохнула я, судорожно хватая ртом воздух, пока волны острой боли расходились по низу живота. Все инстинкты вопили, чтобы я сжалась, защитилась от этого грубого вторжения. В воздухе между нами смешался запах моего собственного страха и пьянящий запах альфы Зейна.

– Ц. – тяжёлая ладонь Зейна опустилась на мою голую ягодицу. От звонкого шлепка я подскочила. Его голос упал до того опасного рыка, который я уже успела выучить: – Расслабься, маленький волк. Будешь так сжиматься, сломаешь мне член. И что тогда станет с твоими мечтами о том, чтобы быть Луной?

Я хотела подчиниться – видит Бог, хотела, – но боль походила на раскалённые добеланити, впившиеся в мою плоть. Мои руки взметнулись, чтобы упереться в его гранитную грудь, но ладони бесполезно заскользили по покрытым потом мышцам. Они с таким же успехом могли быть высечены из мрамора – настолько тщетными были мои попытки. Зейн даже не заметил моего жалкого сопротивления, продолжая безжалостное наступление с целеустремлённостью хищника, который требует свою пару.

– А-а-а!.. – Моя спина выгнулась дугой, отрываясь от кровати, когда особенно резкий толчок вырвал из моей груди крик. Воспользовавшись моим беззащитным положением, Зейн принялся покрывать мою шею собственническими укусами и поцелуями, и каждая метка жгла, словно клеймо. Я ощущала его довольную ухмылку на своей влажной коже. Он спускался всё ниже, к груди, и его порочный язык закружился вокруг затвердевшего соска, пока умелые пальцы с убийственной точностью нащупали мой клитор.

Двойной натиск боли и удовольствия посылал противоречивые сигналы моей перегруженной нервной системе. Бёдра сильно дрожали, а внизу живота разливалось незнакомое возбуждение. К своему стыду, я чувствовала, как тело меня предаёт: вопреки протестам разума, оно истекало влажным жаром, чтобы облегчить жестокое проникновение Зейна. Мокрое чавканье, звук моего невольного возбуждения, наполнило комнату – унижительное доказательство того, что моё тело-предатель приветствует это насилие.

«Расслабься, Пенелопа. Ты этого хотела. Ты об этом мечтала». Эта мантра крутилась у меня в голове, хотя на глаза уже наворачивались слёзы. Медленно, усилием воли я заставила мышцы расслабиться и, сдаваясь власти Зейна, в молчаливом приглашении раздвинула ноги шире.

Зейн замер, оглядывая свою работу – моё бесстыдно выставленное напоказ тело, покрасневшее и блестящее от пота и других жидкостей. Из его груди вырвался глухой смешок. – Так не терпится стать моей Луной, да?

Издавательские нотки в его голосе ранили сильнее физической боли. От унижения к глазам подступили слёзы, но я всё равно встретила его дразнящие изумрудные глаза и отчаянно кивнула. Правда была неоспорима: даже сквозь агонию я жаждала, чтобы он завладел мной, каждой фиброй своей души.

– Хорошая девочка, – промурлыкал Зейн, погладив меня по щеке с той снисходительной нежностью, с какой гладят хорошо выдрессированного питомца. – А теперь расслабься как следует. Я хочу чувствовать тебя всю.

Я судорожно вдохнула, и в тот же миг Зейн одним жестоким толчком вошёл до самого конца.

Мир утонул в белой вспышке.

Мой крик эхом разнёсся по стенам, когда он вонзился в меня по самое основание, растягивая до немыслимых пределов. Не успела я прийти в себя, как Зейн задал жестокий темп. Его мощные бёдра работали как поршни, с животным напором. Острая боль постепенно сменялась пульсирующей, а затем – к моему ужасу – начала превращаться в нечто опасно близкое к удовольствию.

– Нравится, да? – Его самодовольное замечание прорвалось сквозь пелену противоречивых ощущений. Он опёрся на эти свои до смешного рельефные руки и с явным удовлетворением наблюдал, как моё тело подстраивается под его ритм. – Твоя узенькая дырка уже засасывает меня.

Моё лицо вспыхнуло от его грубых слов и бесстыдного отклика собственного тела. Я крепко зажмурилась, но это лишь усилило хаос ощущений: мускусный запах сплетённых тел, непристойные шлепки плоти о плоть и давящее присутствие богоподобной фигуры Зейна, нависшей надо мной.

Проклятье. Проклятые пекторали, что гипнотически сокращались при каждом толчке. Проклятые изумрудные глаза, что видели насквозь моё жалкое сопротивление. Даже сквозь боль я не могла отрицать, каким умопомрачительно великолепным он был.

Моё тело-предатель превратилось в скользкую арену для безжалостного члена Зейна. Каждый глубокий толчок задевал точки, от которых по позвоночнику пробегали электрические разряды. Он направил мою дрожащую руку к месту нашего единения, и его горячее дыхание обожгло мне ухо: – Чувствуешь, как глубоко я в тебе? Твоя жадная киска доит меня, будто для этого и создана.

Я с трудом сглотнула, но любой протест замер в горле: Зейн выбрал этот момент для особенно жестокого толчка, от которого у меня из глаз посыпались искры.

– Ах! Пожалуйста... – Мольба сорвалась с губ прежде, чем я успела её остановить. Мой голос охрип от перевозбуждения.

– Пожалуйста – что? – Он резко замер, полностью выйдя из меня и оставив после себя мучительную пустоту. Внезапное опустение оказалось почти хуже, чем наполненность. Мой растерянный стон, похоже, позабавил его. Он начал дразнить мой влажный вход набухшей головкой члена, водя ей по кругу, но не даруя облегчения.

Моему затуманенному похотью разуму потребовалось несколько секунд, чтобы осознать: это была намеренная пытка.

– Чего ты хочешь? – снова подтолкнул Зейн. В его голосе слышалось тёмное веселье. Он точно знал, в чём я нуждаюсь, – и хотел, чтобы я произнесла унижительную правду.

Я с вызовом посмотрела на него полными слёз глазами, но выражение его лица оставалось безжалостным.

– Говори словами, маленький волк.

– Я... я хочу тебя... – Шёпот был едва слышен, он повис между нами, словно дым.

Ухмылка Зейна стала шире. – Хочешь, чтобы я что?

Жар залил мне щёки. Я поняла, что пощады не будет, пока я полностью не сдамся. Стиснув зубы, я выдавила из себя: – Я хочу, чтобы ты меня трахнул!

Победный блеск в глазах Зейна должен был бы взбесить меня. Но вместо этого я ощутила лишь новую волну жидкого жара между ног. Наградой стал поцелуй – наш первый настоящий поцелуй за всё это время – такой неожиданно нежный, что сбил меня с толку сильнее всей его предыдущей грубости.

– Хорошая девочка, – пробормотал он мне в губы и снова вошёл в меня. – Позволь мне вручить тебе награду.

То, что последовало за этим, было полным забвением. Зейн задал такой темп, что у меня перехватывало дыхание, а мысли рассыпались в пыль. Каждый мощный толчок наращивал

удовольствие, пока оно окончательно не вытеснило боль. Время потеряло всякий смысл. Я проваливалась в один оргазм за другим, а мои стоны становились всё более бессвязными.

И как раз когда я подумала, что больше не выдержу, ритм Зейна сбился. Его хватка на моих бёдрах стала болезненной. Он вдавливался в меня с новой яростью, и его первобытный рык отдавался вибрацией во всём теле. Горячий поток его семени вызвал мой собственный сокрушительный оргазм. Внутренние мышцы отчаянно сжались вокруг него, а раскалённое добела удовольствие поглотило меня без остатка.

Тяжёлое дыхание Зейна вторило бешеному стуку моего сердца. Сквозь туман перед глазами я смотрела на него – и видела его изумрудные глаза, всё ещё тёмные от неугасшего желания.

А потом я почувствовала, как он снова твердеет внутри меня.

Проклятье.

Мысленно выругалась я.

8 Харпер Уиллис

ПОВ Зейна

– Хорошо позаботься о моей дочери Харпер сегодня, Зейн. Женись на ней, и я прослежу, чтобы ты стал следующим Альфой.

– Да, дядя Оуэн, – вежливо закончил я разговор, но внутри меня всё кипело.

К чёрту Харпер Уиллис. К чёрту Оуэна Уиллиса. Я и так уже был Альфой.

Мои отец и мать были Альфой и Луной Стаи Ночной Тени, пока не погибли в автокатастрофе, когда мне было двенадцать. Я был слишком юн, чтобы занять их место, так что Оуэн Уиллис стал исполняющим обязанности Альфы.

Надо отдать ему должное, он был компетентен. Даже будучи бетой, он обеспечивал слаженную жизнь стаи. Но я знал, чего он хотел на самом деле: самому стать Альфой. Проблема была в том, что он не мог – ни по крови, ни по праву. Он обещал мне, что, как только мне исполнится двадцать, я унаследую титул отца и наконец вступлю в свои права. Но он постоянно тянул время, твердя, что момент ещё не настал.

А что теперь? Теперь он навязывал мне свою дочь-бету, Харпер, – лишь ещё один способ сохранить хватку над Стаей Ночной Тени.

Я бы никогда не позволил ему прикоснуться к моей короне и абсолютно точно никогда бы не женился на Харпер Уиллис. Даже если бы она оказалась моей истинной парой, я бы её отверг.

Машина остановилась у отеля Версаль. Когда я вышел, до моего носа донёсся лёгкий, пьянящий аромат – похожий на карамельное печенье, сладкий и неотразимый. Меня мгновенно бросило в жар.

«Неужели в отеле сменили ароматизатор?» – подумал я.

Нет.

Чем ближе я подходил ко входу в вестибюль, тем сильнее становился запах и горячее – моё тело. К тому времени как сладкий карамельный аромат заполнил каждый нерв, я осознал: моя пара здесь.

Кто же она? Неужели и вправду Харпер Уиллис?

В моей голове промелькнуло несколько лиц, но в тот миг, когда я подошёл к входу, я увидел её – мою маленькую волчицу.

Пенелопа Вудс. Безволчья, ничем не примечательная омега из Стаи Темного Леса. Неподходящий выбор на роль Луны.

Какой неожиданный поворот судьбы.

Я уставился на неё, и она тоже меня заметила. В тот миг, когда наши взгляды встретились, меня захлестнуло непреодолимое желание – поглотить её прямо здесь и сейчас.

Она была не лучшим выбором, но сегодня выглядела умопомрачительно. В нежно-голубом платье её кремовая кожа сияла, словно на картине, а тонкая талия казалась такой узкой, что я мог бы обхватить её одной рукой. А эти её идеальные изгибы... Ровно столько полноты в груди и бёдрах, чтобы фигура стала невероятно соблазнительной. Неужели она всегда была такой красивой? Я уже представлял её под собой: ноги обвиты вокруг моего члена, лицо покраснелось, и она не в силах сдерживать стоны.

Я хотел трахнуть её до беспамятства.

Стоило мне двинуться к ней, как моя маленькая волчица метнулась прочь, словно испуганный котёнок.

Чёрт. Но ей от меня не уйти.

Я протиснулся сквозь окружавшую меня толпу и пошёл по её запаху к одной из комнат. Ещё не открыв дверь, я уже знал, что она внутри – ни у кого не могло быть такого сладкого, пьянящего аромата, от которого мой член твердел сам по себе.

Блядь.

Вот она, стоит на коленях на полу, как щенок.

– Пенелопа Вудс?

– Д-да? – Она была явно напугана, выглядела такой жалобно-хрупкой, словно ждала моей ласки. От этой мысли я возбудился ещё сильнее. Какой мужчина устоит перед таким взглядом?

Она послушно подползла к моим ногам, как покорный щенок. Я взял её лицо в ладони, но мой взгляд то и дело соскальзывал на её мягкую бледную грудь. – Хочешь, чтобы я поставил метку?

– Да...

Её голос, нежный, как у сирены, манил меня к себе.

– Ты уже вся течёшь.

Мои пальцы исследовали её складочки, и их влажность так пропитала мои кончики, что я не удержался и проник внутрь.

Она испуганно вскрикнула, словно котёнок, и её податливое тело обмякло в моих руках. А её киска была такой мокрой, такой узкой... Я еле сдерживался, чтобы не засадить в неё член и не вытрахать её дочиста.

Но стоит ли мне и вправду выбирать её своей Луной? Последний проблеск рассудка предупреждал: Пенелопа Вудс никогда не станет хорошей Луной.

Я замер, глядя на её шею и размышляя, ставить ли метку, как вдруг заметил нечто странное – на коже проступил слабый узор золотой паучьей лилии. У неё всегда была татуировка? Или мне это мерещится?

Я наклонился ближе, и золотой знак, казалось, впитался в кожу, как вода в губку, и полностью исчез.

У неё были тайны. Но какими бы они ни были, я их раскрою.

Всепоглощающая сладость её аромата сводила меня с ума. Мой волк желал её – он в ней нуждался. Притяжение пары было неоспоримо. И я поддался. Я отнёс её на кровать, овладевая каждым сантиметром её тела губами и руками.

Её грудь была такой мягкой, что я не мог перестать её касаться. Соски затвердели под моими пальцами, и, когда я взял один в рот и провёл по нему языком, она ахнула.

– Ах... – её стоны наполнили мой слух.

Я задрал её юбку – трусики насквозь промокли. Я сдвинул ткань в сторону, согнул её ноги и потёрся членом о её влажные складочки. Мой взгляд метнулся к прикроватной тумбочке в надежде, что там волшебным образом появится пачка презервативов.

Моя маленькая волчица не была готова к щенкам.

Но, разумеется, их там не было. Я больше не мог сдерживаться. Прижав головку члена к её входу, я медленно обвёл его. – У тебя уже было такое?

Я бы убил любого, кто прикасался к ней до меня.

Её влажные глаза встретились с моими, она, нахмурившись, прошептала:

– Нет.

Бог. Она была девственницей. И я стану её первым. От этого осознания мой член запульсировал ещё сильнее, почти до боли.

– Тогдапусти меня, хорошо? – я протолкнул внутрь лишь кончик, но её теснота заставила меня отступить, чтобы снова подразнить вход.

– Ай... больно...

– Впусти меня, – пробормотал я ей на ухо. – Ты ведь сказала, что хочешь быть моей парой? Хотела мою метку? Так хочешь ли ты меня в себе? М? – я полностью вышел, проводя членом по её складочкам.

– Я... – она задрожала. – Хочу.

– Хорошая девочка. А теперь расслабься.

Я вонзил член в эту тугую, сочащуюся дырочку – и не успел войти даже на дюйм, как моя маленькая волчица заскулила от боли. Я двигался медленно, проникая глубже с каждым толчком, пока Пенелопа резко не ахнула и я не оказался полностью в ней, горячей и тесной, словно в ножнах.

Её лоно было обжигающе горячим, невероятно тугим и цеплялось за мой член, как голодный рот.

Я задал сокрушительный ритм, чередуя глубокие, томные толчки с жестокими, яростными ударами. Подо мной Пенелопа кончала снова и снова, и её стоны были музыкой для моего слуха. Глядя, как её лицо пылает от удовольствия, я ощутил прилив первобытного собственничества: это моя пара, моя маленькая волчица.

С последним резким движением бёдер я вошёл до самого основания и излился в неё.

В этот миг раздался внезапный, настойчивый стук в дверь, разрушивший момент.

– Пенелопа Фаннинг, ты там? – раздался снаружи встревоженный мужской голос.

9 Почему ты меня ненавидел?

ПОВ Пенелопы

Твою мать!

Я резко ахнула. Член Зейна был слишком большим – даже от малейшего проникновения я почувствовала, будто низ моего тела разрывают на части.

И как раз в тот момент, когда я подумала, что меня сейчас разорвёт на куски, меня спас стук в дверь.

Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!

Стук был настойчивым, и его сопровождал знакомый голос: «Пенелопа, ты там?»

– Пенелопа! Я знаю, что ты внутри – открой дверь!

Стук стал ещё громче.

– Пенелопа, я считаю до трёх. Если не откроешь, я выломаю дверь!

– Это мой сводный брат, – в панике пробормотала я, беспомощно глядя на Зейна, который раздражённо цыкнул, прежде чем вытащить из меня свой член. – Какого чёрта твой брат здесь делает?

Я не знала. Я знала лишь одно: мне конец – моя смерть была неизбежна.

Что мне делать? Меня поймали! Я судорожно поправляла одежду, мечась по комнате, как напуганный кролик.

– Три... два...

С резким щелчком Зейн распахнул дверь.

Снаружи стоял Остин. Вены на его лбу вздулись, и он был похож на жнеца, пришедшего забрать жизнь. Его налитые кровью глаза впились в меня, дыхание было сбитым. «Поехали домой со мной».

Я так испугалась, что не могла пошевелиться.

– Пенелопа Фаннинг! – прорычал Остин сквозь стиснутые зубы.

Я скованно двинулась к Остину, но Зейн внезапно схватил меня за запястье и потянул за свою спину, заслоняя собой.

– Зейн Кинг, какого хрена ты здесь делаешь? – ярость Остина обрушилась на Зейна.

– Теперь она под моей опекой, – лениво ответил Зейн. – Она моя пара.

– Что?

– Я сказал, – взгляд Зейна стал острее, – не слишком ли ты много на себя берёшь для брата?

– Пошёл ты! – Остин нанёс удар прямо в лицо Зейну. Тот болезненно крикнул и ответил жестоким ударом Остину в живот. Они сцепились в драке, каждый удар был нацелен в жизненно важные точки противника, а я стояла рядом и отчаянно умоляла их остановиться.

– Пожалуйста, прекратите драться! Остин, пожалуйста, я умоляю тебя...

Но они не слушали. Мебель с глухим стуком падала на пол, комната погружалась в хаос. Я стояла как вкопанная, по лицу текли слёзы, в полном бессилии.

Вскоре прибыли сотрудники отеля вместе с несколькими одноклассниками с танцев.

– Чёрт побери! Что вы двое творите?!

– Пенелопа, почему ты здесь? О боже, это что, Остин?!

Миа и Харпер бросились вперёд и втиснулись между мужчинами, сделав и без того катастрофическую сцену ещё хуже.

– Всем вон! – взревела Харпер, выталкивая всех, кроме меня и Мии, из комнаты и захлопывая дверь. – Хватит!

Как только её голос прорезал воздух, двое мужчин на полу резко замерли, обратив свои убийственные взгляды на Харпер.

Но Харпер не отступила. Она посмотрела на них сверху вниз, её голос сочился презрением. – Вы двое – будущие альфы. И так вы себя ведёте? Деретёсь, как животные?

– Я не знаю, что здесь произошло, – она сделала паузу, бросив на меня взгляд, от которого я тут же отвела глаза, а затем продолжила: – но сейчас вы оба выглядите как посмешища.

Её слова были острыми, как бритва, а её присутствие – настолько властным, что вся комната погрузилась в неловкое молчание.

Остин первым отпустил. Он встал, грубо провёл рукой по своим растрёпанным волосам и зашагал ко мне.

– Поехали домой.

Я нервно взглянула на Зейна, который всё ещё был на полу. Его глаза были прикованы к Харпер, наполненные эмоцией, которую я не могла расшифровать. Я впервые видела, чтобы Зейн так смотрел на девушку – будто она была единственным цветом в его чёрно-белом мире, а я – всего лишь ничтожной пылинкой, недостойной его взгляда.

Остин заметил мой украдкой брошенный взгляд. Он схватил меня за запястье и потащил к двери.

– Остин! – крикнула ему вслед Миа.

Но Остин не обернулся. Я спотыкалась, идя за ним, слишком боясь оглянуться. В тот момент я ещё не осознавала, почему взгляд Зейна на Харпер так сильно меня пугал – словно она была единственным ярким пятном в его монохромном мире, а я – ничем.

Тогда я даже не смела ревновать.

Остин грубо затолкал меня на заднее сиденье, после чего сам сел за руль и вдавил педаль газа в пол.

Никто из нас не проронил ни слова. Воздух в машине был таким густым, будто в него залили расплавленный свинец. Чтобы казаться как можно меньше, я даже затаила дыхание, боясь, что один лишний вздох заставит Остина обернуться и задушить меня.

Спустя, как мне показалось, целую вечность, Остин наконец заговорил.

– Он твоя пара?

Я ожидала, что Остин будет кричать на меня, требовать ответов, но я никак не думала, что это будет его первый вопрос.

– Да, – прошептала я.

– Он отверг тебя?

Я ошетибилась. Пара была священна для оборотней. Почему Остин хотел, чтобы Зейн отверг меня? Словно ему было совершенно наплевать на моё счастье.

– Отвечай!

– Нет! – сердито крикнула я. Машина с визгом затормозила, и, если бы не ремень безопасности, я бы вылетела на переднее сиденье.

Остин вышел, подлетел к задней двери и ввалился внутрь.

Я вздрогнула, вжимаясь в угол.

Остин нахмурился, глядя на меня. – Тогда ты его отвергни.

– Что? – Мой страх мгновенно испарился, сменившись шоком.

– Я сказал, отвергни его!

– Нет!

– Пенелопа Фаннинг!

– Если бы я была Эммой, ты бы хотел, чтобы я была счастлива?! – закричала я, заливаясь слезами.

– ...Что? – Остин застыл. Он впервые видел, как я срываюсь.

Сквозь рыдания я продолжила: – Если бы я была Эммой, ты бы заставил меня отвергнуть Зейна? Что я тебе такого сделала, что ты так сильно меня ненавидишь?

1 °Сбежать

ПОВ Пенелопы

– Т-ты... он тебе нравится, не так ли? – голос Остина был полон горечи, но в тот момент я чувствовала лишь свою собственную всепоглощающую боль, совершенно не замечая страдания в его словах.

– Да! Он мне нравится! Он нравился мне годами! – выкрикнула я в ответ, словно повышенный голос мог каким-то образом придать мне смелости, в которой я отчаянно нуждалась.

Слёзы собирались в ручейки и непрерывно текли по моему лицу. Я чувствовала, как все мои затаённые обиды взрываются в груди: старые раны, до которых никому не было дела, падения, после которых никто не помогал мне подняться, взросление, лишённое объятий и поддержки. Моя жизнь была похожа на грязную тряпку, сплошь испачканную мерзостью, и у меня не было ни малейшей возможности её отстирать.

– Если бы я была Эммой, ты бы любил меня хоть немного больше? – после этих слов я разразилась громкими, надрывными рыданиями. Я искренне не понимала – что я снова сделала не так? Разве я не хотела волка? Разве не хотела быть сильной? Но я уже исчерпала все свои силы до последней капли, просто чтобы выжить.

– Я не ненавижу тебя. Я просто...

Я ждала ответа, но Остин молчал. Сквозь пелену слёз я видела его нахмуренные брови, эти прекрасные голубые глаза, совсем как у его отца – вечно полные эмоций, которые я никогда не могла расшифровать. Почему он не говорил? Он ненавидел меня? Презирал? Я вызывала у него отвращение? Или, может, ему было хоть немного меня жаль?

Спустя, казалось, целую вечность, он так ничего и не сказал, просто вернулся на водительское сиденье и продолжил везти меня домой, пока я безудержно рыдала.

Постепенно мой плач утих, и я успокоилась. Любой, кто хоть раз рыдал до изнеможения, знает, что после такого эмоционального выплеска часто клонит в сон. Поэтому, выйдя из машины, я потащила своё тяжёлое тело и ещё более тяжёлую голову, покорно вступая в свой личный ад.

В доме ярко горел свет. Моя мать, отчим и даже Эмма, которая всё ещё должна была быть на банкете, сидели в гостиной, очевидно, ожидая от меня объяснений.

– Ты никогда не научишься приличиям. Посмотри на своё безобразное лицо – именно поэтому ты не достойна появляться на людях как член семьи Вудс. – Эмма зажала нос и смерила меня презрительным взглядом, словно я была трёхдневными кухонными отбросами, гниющими в летнем мусорном баке.

Я быстро опустила голову и попыталась стереть размазанный макияж, стараясь придать себе хоть сколько-нибудь приличный вид. Я знала, что выгляжу ужасно – не только из-за испорченного макияжа, но и потому, что глаза у меня опухли от слёз.

– Эмма! – негромко отчитал её Чарльз, хотя дальше упрекать не стал. – Иди в свою комнату и отдыхай.

– Но Пенелопа!..

– Хватит! – пренебрежительно махнул рукой Чарльз. – Сегодня тебе стоит лечь пораньше. Эмма сердито топнула ногой и, проходя мимо, намеренно толкнула меня плечом.

Когда Эмма ушла, Чарльз снова заговорил: «Пенелопа, не объяснишь, почему ты сегодня была на балу?».

Я сглотнула, уставившись на носки своих туфель и не смея поднять взгляд.

– Пенелопа.

– Твой отец с тобой разговаривает. Ты немая? Ответить не можешь? – рявкнула моя мать, когда Чарльз снова назвал моё имя.

– Простите... Я... я просто заигралась, поэтому...

– Так, ты встретила на банкете кого-нибудь необычного? Например, свою пару, или, может, кто-то сказал тебе что-то странное?

Моё сердце пропустило удар, когда в мыслях промелькнуло лицо Зейна. Я виновато взглянула на Остина и встретила с его молчаливым взглядом.

Мысли лихорадочно метались. Инстинкт подсказывал, что лучше об этом не говорить, но я до смерти боялась солгать и быть разоблачённой Остином. После внутренней борьбы я наконец промямлила: «Нет».

Чарльз несколько секунд неотрывно смотрел на меня, а затем хмыкнул и оставил эту тему. Он повернулся к Остину. – Я слышал, ты сегодня в отеле подрался с сыном альфы Стаи Ночной Тени?

– Да.

– В чём причина?

Моё сердце бешено заколотилось. Что скажет Остин? Он расскажет правду?

– ...Просто он мне не понравился.

Я незаметно сглотнула.

Чарльз явно не удовлетворил этот ответ. «Ты не обычный ребёнок. Ты – будущий Альфа Стаи Тёмного Леса. Каждый твой шаг отражается на всех нас. Сегодня вечером поразмысли о своих обязанностях и ответственности». Он пренебрежительно махнул рукой. «Одна действует без разрешения, другой затевает драки. К счастью, это пока не привело к большим неприятностям. Вы оба под домашним арестом на неделю в своих комнатах. Кроме того, Остин, ты отправишься со мной в Стаю Ночной Тени, чтобы лично извиниться».

– С какой стати?! – возмутился Остин.

– Потому что однажды ты возглавишь эту стаю как её альфа!

Испугавшись разгорающегося спора, я быстро взбежала по лестнице в свою крошечную комнатку на чердаке. Уже собираясь закрыть дверь, я поняла, что мать незаметно поднялась за мной.

– Мама.

ШЛЁП!

Жгучий удар пришёлся мне по щеке, ошеломив меня, и моя голова мотнулась в сторону.

– Как я могла родить такую дочь, как ты?! – прошипела мама сквозь стиснутые зубы. – Ты – сплошное разочарование и обуза! Неужели так трудно было сидеть тихо и не высовываться? Почему ты даже этого не можешь? Да что ты вообще можешь сделать как следует?!

– Мама...

– Не называй меня так! Я никогда не хотела быть твоей матерью! – Она втолкнула меня в комнату, захлопнула дверь и больно вцепилась мне в плечи. – Ты хоть представляешь, каких трудов мне стоило привести тебя в эту семью? Я надеялась, что ты станешь моей гордостью, а вместо этого ты всегда была лишь балластом. Ты никому не нужна!

Я оцепенело смотрела на свою мать – прекрасную, как ангел – и не могла поверить, что такие острые, как бритва, слова слетели с её губ. Десять лет она наказывала меня молчанием, но впервые высказала свои мысли вслух. И я лишь чувствовала, как мой и без того хрупкий мир беззвучно рассыпается в прах.

Я и раньше знала эту правду, но услышать её вслух было так больно, что моё сердце, казалось, остановилось, а слёзы высохли – словно боль, перейдя определённый порог, заглушила всё остальное.

– Пожалуйста, мама... пожалуйста, прекрати...

Пощади меня. Не убивай меня так.

– Хватит строить из себя жертву! Я тебе ничего не должна! Любая другая бросила бы тебя после смерти твоего отца, но я этого не сделала! Когда те бродяги готовы были разорвать тебя в

ключья, я тебя защитила! Когда ты голодала, я привела тебя в этот дом! Как ты смеешь каждый день смотреть на меня с таким негодованием?! Разве это неправильно – хотеть стабильности? Разве это неправильно – желать счастья и роскоши?!

Нет, мама, пожалуйста, не надо... Я безмолвно смотрела, как по её щекам катятся слёзы, и впервые осознавала, какой совершенно чужой мне была эта женщина, которую я восемнадцать лет называла мамой.

– Знаешь что? – её голос дрожал от отчаяния. – Десять лет я каждый божий день жалею о том, что родила тебя.

Бум...

Мой мир превратился в руины.

Моя хрупкая, истерзанная душа умерла.

Тихо прошептала я: «Я знаю, мама».

В ту ночь, когда все уснули, я навсегда сбежала из этого дома. Мне нужно было найти Зейна.

11 Потеря памяти

ПОВ Пенелопы

Я слышала, что Стая Ночной Тени Зейна перебралась в Нью-Йорк. Если он ещё не улетел сегодня, то мог всё ещё быть в отеле. Поэтому я помчалась обратно с колотящимся сердцем, но администратор на стойке регистрации разрушил мои надежды вежливым: “Прошу прощения, мэм. Мистер Кингсли выписался несколько часов назад”.

Куда он мог пойти? Уже вернулся в Нью-Йорк? Мне нужно ехать за ним туда?

Я пересчитала мятые купюры в своём кошельке – все мои сбережения, – и, стиснув зубы, купила билет на поезд в один конец до Нью-Йорка.

Всё будет хорошо. Просто найди Зейна. Он защитит меня. Он сделает меня своей Луной.

Поезд со скрипом тронулся, и его ритмичный стук колёс почти не успокаивал мои нервы. Часы сливались воедино, пока я наблюдала, как меняется мир за окном: пышная зелень уступала место промышленным скелетам, а дневной свет растворялся в чернильной пустоте. Чем дальше мы ехали, тем больше я осознавала реальность: я никогда ещё не была так далеко от дома.

Всё в порядке, Пенелопа. Ты справишься.

Прижимая к груди нейлоновый рюкзак, словно щит, я наконец поддалась усталости. Но как только сон начал затягивать меня, в моё сознание прокрался зловеющий шорох – звук ткани, трущейся о сиденье, и чьих-то намеренно подкрадывающихся шагов.

Я резко открыла глаза.

Надо мной нависали трое здоровенных мужчин, с их ухмылок капала злоба.

“Надо же. Спящая Красавица наконец-то проснулась”, – ухмыльнулся блондин с двумя гнилыми передними зубами, от которого несло дешёвым пивом.

Мои пальцы впились в рюкзак, хотя его содержимое (сменная одежда, полупустая бутылка воды) вряд ли могло мне помочь. Но это было всё, что у меня было.

“Расслабься, милашка. Путешествуешь одна?” – самый высокий из них, чернокожий мужчина с тюремными татуировками, ползущими по шее, облизал губы, когда их кольцо вокруг меня сжалось.

Я с ужасом огляделась. Вагон был пуст. Когда все успели выйти?

“Эй! Ты куда это собралась?”

Грубые руки впечатали меня обратно в сиденье. Пульс ревел в ушах. “Ч-что вам нужно?”

Ответом стала их синхронная похотливая ухмылка. Грязные пальцы блондина поползли вверх по моему бедру, впиваясь ногтями в джинсовую ткань.

ШЛЁП!

Я отшвырнула его руку и рванула, проскользнув между ними, словно кролик, уворачивающийся от волков.

Беги. Быстрее.

“Хватай эту суку!”

Их шаги загребели позади. Я рывком распахнула дверь в следующий вагон. Пусто.

И тут – катастрофа. Лямка рюкзака зацепилась за подлокотник сиденья. Внезапный рывок – и я растянулась лицом вниз на грязном полу.

Чёрт побери! Почему я всегда такая неуклюжая?!

Не было времени проклинать свою глупость. Кое-как вскочив, я бросила сумку и побежала.

Они загнали меня в угол в самом хвосте поезда. Меня дёрнули назад за волосы.

“А-А-А!” Мой крик пронзил дребезжащий вагон.

“Смерти захотела, сука?!” Ладонь блондина с треском ударила меня по лицу – раз, другой. Перед глазами взорвались звёзды.

“Держите её”, – прорычал татуированный. – “Научим её манерам”.

Когда пальцы полезли к поясу моих джинсов, я со всей силы впилась зубами в запястье блондина. Рот наполнился металлическим привкусом крови.

“СУКИН СЫ—!” Он взвыл и отпрянул.

Я сплюнула на пол багровой слюной. “Сгни в аду”.

Его глаза озверели. “Ты покойница”.

Они двинулись на меня. Я отступала, пока спиной не упёрлась в холодный металл. А потом – окно. Распахнутое настежь. В него со свистом врывался ночной воздух.

Они поняли всё на секунду позже, чем нужно.

Когда они бросились ко мне, я вскочила на сиденье и прыгнула, погружаясь во тьму.

Два года спустя...

“Знаешь, говорят, что волшебство дома в том, что из него приятно уезжать, и ещё приятнее возвращаться...”

“Что ты там делаешь? Выключи радио”. Эльда распахнула дверь ногой и, сделав всего пару шагов, лениво рухнула на диван.

Густая волна алкоголя, словно цунами, пронеслась по крошечной комнате площадью 210 квадратных футов, яростно ударяя мне в ноздри. Я тут же выключила радио и встала. “Ты опять пила?”

“Ага, если не можешь принести мне „мечтателя“, то просто, блядь, заткнись”.

Я нахмурилась. “Если будешь и дальше так принимать морфий, ты умрёшь”.

„Мечтатель“, о котором говорила Эльда, на самом деле был морфием. Да, Эльда была морфиновой наркоманкой.

“Да кому, блядь, не насрать?!” – внезапно дико закричала Эльда и швырнула в меня подушку. – “Хватит нести херню, или проваливай!”

Я поймала „снаряд“ в воздухе и, разъярённая, подлетела к ней. “А мне не насрать!”

Веки Эльды опустились наполовину, а затем она сонно и туманно улыбнулась мне. “Поняла, зануда”.

Гнев в моей груди мгновенно растворился при виде её ухмылки. Каждая черта лица Эльды была безупречно, невероятно идеальной. Если бы не тёмные круги под глазами и одутловатый, бледный цвет лица из-за чрезмерного пьянства, она бы выглядела как красавица, сгенерированная ИИ. Но даже так от неё всё равно захватывало дух – настолько, что, как бы я ни злилась, одного взгляда на её лицо было достаточно, чтобы успокоиться.

“Какого хрена ты стоишь там как идиотка?” – раздражённо проворчала Эльда.

Я вздохнула. “Завтра вечером одна некоммерческая организация проводит бесплатный приём. Я слышала, там будет психолог. Тебе нужно сходить”.

“Отвали!” – тут же воспротивилась Эльда.

“Эльда, Эльда, послушай меня”. Я присела на корточки и убрала спутанные волосы с её лица. “Ты – единственная, кто у меня остался в этом мире”.

...

После долгого молчания Эльда вдруг отвернулась. Её приглушённый голос донёсся из-под одеяла: “Ладно”.

Я знала, что это означало её согласие. Эльда была морфиновой наркоманкой – судя по всему, это началось после автомобильной аварии в детстве. Был период, когда ей удалось бросить, но два года назад, после смерти её девушки, у неё случился рецидив. У Эльды не было ни постоянного дома, ни долгосрочных обязательств, но она ни разу не нарушила обещания, данного мне, каким бы незначительным оно ни было.

Когда я собирала свои вещи, чтобы уйти, Эльда снова заговорила: “В шкафчике лежит 1600 долларов. Отнеси их на ресепшен”.

Я открыла шкафчик и, конечно же, нашла небольшую стопку разных купюр – несколько сотенных, несколько по пятьдесят и по двадцать.

Странно. Вчера этих денег там не было. Когда Эльда их туда положила?

Я отнесла деньги на ресепшен мотеля, где сидела полная темноволосая женщина. Её звали Хайди, она была владелицей этой придорожной гостиницы и сама работала за стойкой. Она взглянула на меня и усмехнулась. “Опять платишь за аренду раньше срока? Прошло уже полтора года, а ты ни разу не опоздала. Это редкость!”

Я молча протянула ей деньги. Это был мотель на окраине, где в основном жили бедняки. Просрочка арендной платы была нормой.

Хайди сунула мне шоколадку, а затем заговорщицки наклонилась. “Нася, я слышала, что возле Леса Джимми творится что-то неладное. Несколько человек погибли, а копы в растерянности. Будь осторожна, когда гуляешь по ночам”.

“Дикие животные?” – спросила я.

Хайди покачала головой. “Сложно сказать. Джимми говорил, что раны похожи на звериные, но некоторые жертвы, похоже, были отравлены”.

“Отравлены?”

“Ага”. Затем она резко сменила тему. “Есть успехи со воспоминанием прошлого?”

Я покачала головой.

По словам Эльды, два года назад я упала со скалы, и она нашла меня едва живой. В тот момент она была пьяна и из прихоти притащила меня домой. Вопреки всему, я поправилась без медицинской помощи, вот только очнулась без воспоминаний. Поэтому Эльда назвала меня Насей, что означает „возрождение“ и „чудо“. Позже мы переехали во Флориду и с тех пор живём здесь, в Мотеле „Калифорния“.

“Моя двоюродная сестра работает в Чикаго горничной в богатой семье. Несколько дней назад они устраивали вечеринку, и она прислала мне несколько фотографий. На одной из них была женщина, очень похожая на тебя. Я хотела сказать тебе раньше, но всё никак не могла тебя застать. Хочешь посмотреть?” – Хайди взяла телефон и начала листать. – “Так, где же это было?..”

“А! Нашла!” – она протянула мне телефон. На фотографии была группа людей, которые выглядели так, будто сошли с экрана сериала о высшем обществе: в дорогих платьях и костюмах они стояли под огромной люстрой и показывали в камеру знаки мира.

Хайди указала на женщину в углу с бокалом шампанского. “Видишь? Разве она не похожа на тебя?”

Я проследила за её пальцем и увидела женщину, чьё лицо было немного размыто, хотя её ярко-светлые волосы выделялись. Она даже не смотрела в камеру, словно случайно попала в кадр.

“Снимок не самый чёткий, но, как только я её увидела, сразу подумала о тебе”, – сказала Хайди.

“Правда?” – я склонила голову, изучая фото.

“Абсолютно!” – настаивала Хайди. – “Смотри, общие очертания прямо как у тебя. Если прикрыть её светлые волосы, она будет ещё больше на тебя похожа!”

Я инстинктивно нахмурилась, но внутри ничего не почувствовала.

Даже если эта женщина и была на меня похожа, мир на той фотографии был мне совершенно чужд. Если бы это была моя жизнь, разве кто-нибудь не стал бы меня искать? Но прошло два года, а никто так и не появился.

“Эх”, – выдохнула Хайди. – “Но я сомневаюсь, что она с тобой связана. Моя сестра сказала, что эта женщина была просто гостией. Её семья из четырёх человек раньше жила в Сиэтле, а потом переехала в Чикаго. А Эльда ведь говорила, что нашла тебя в Лос-Анджелесе?”

“Да”. Я кивнула.

По правде говоря, мои воспоминания двухлетней давности были туманны. Я помнила только, как очнулась в том, что Эльда называла своим „временным домом“, – в подвале. Полгода я провела как в тумане, не понимая, как вообще выжила. Эльда везла нас на восток на своём потрёпанном Вольво, пока мы не добрались до Флориды, где моё состояние наконец стабилизировалось, и она решила осесть.

Прощавшись с Хайди, я села в старый Вольво. Затхлый запах алкоголя ещё не до конца выветрился, поэтому я опустила окно, впуская едва прохладный вечерний ветерок. Лето подходило к концу, и смертельная жара наконец-то спадала.

Я вбила название отеля в GPS-навигатор на телефоне и поехала. Я была там уже много раз, но, несмотря на год визитов, из-за моего ужасного топографического кретинизма мне всё ещё был нужен навигатор.

Но я ехала туда не для того, чтобы остановиться.

Настоящей целью было казино внутри.

Даже если Эльда каким-то образом и наскребла денег на аренду, я была полна решимости выиграть сегодня достаточно – достаточно, чтобы оплатить её терапию.

12 Казино

Пенелопа ПОВ

Улицы были усеяны бесчисленными наркоманами в разной степени деградации: одни лежали неподвижно, словно выброшенный мусор, другие стояли, покачиваясь в гротескных, зомбиподобных позах, от которых у меня по коже бегали мурашки. Мне пришлось снизить скорость до абсолютного минимума, чтобы не сбить одну из этих непредсказуемых душ, которые могли в любой момент шатнуться на дорогу. Сцена напоминала антиутопический кошмар, но это был просто очередной обычный вечер в этой части Флориды.

Флорида – штат, где приезжие либо находили свой личный ад, либо переживали чудесное перерождение. Я не была уверена, к какой категории отношусь, но эта жизнь от заработка до заработка с Эльдой была не совсем уж неприятной. Я перестала стремиться в будущее или искать ответы о своем прошлом. Какой-то глубокий, первобытный инстинкт предостерегал меня от того, чтобы ворошить погребенные воспоминания, словно мое подсознание знало, что неведение – моя лучшая защита. Жизнь настоящим моментом, какой бы трудной она порой ни была, стала моей стратегией выживания.

Припарковав потрепанный Вольво, я направилась напрямик ко входу в казино отеля, и моя цель была ясна – заработать достаточно денег на лечение Эльды. Возможно, это была некая божественная компенсация за мои страдания, но после моей загадочной травмы я постепенно обнаружила в себе необычную способность – голос в голове, который время от времени говорил со мной. Она называла себя Матильдой. Было ли это симптомом психического заболевания или чем-то сверхъестественным, я не могла сказать, да и не особо волновалась по этому поводу. Каждый раз, когда она проявлялась, ее указания оказывались до странности точными. Именно из-за этого сверхъестественного преимущества я и выбрала казино для заработка.

Обменяв свои тщательно сбереженные наличные на фишки, я подошла к столам для блэкджека и заняла свободное место за одним из не слишком людных. Блэкджек, также известный как «Двадцать один», был единственной карточной игрой, правила которой я удосужилась выучить за год во Флориде. Правила были достаточно просты: каждый игрок пытается обыграть дилера, получив сумму очков как можно ближе к 21, не превышая ее. Простота мне импонировала, как и тот факт, что при идеальной стратегии преимущество казино можно было свести к минимуму.

– А, это снова ты, – раздался знакомый голос. Я подняла глаза и увидела, что дилер бросил на меня понимающий взгляд. – Ты произвела сильное впечатление на прошлой неделе.

Я ответила молчаливым кивком, сохраняя нейтральное выражение лица. Излишние разговоры в казино были не нужны и потенциально опасны. Я пришла сюда не для общения – моей единственной целью было выиграть достаточно денег на лечение Эльды, избегая при этом нежелательного внимания, которое могло привести к запрету на посещение казино или чему похуже.

Глаза дилера слегка сузились, когда он раздавал карты. – Как тебе удается выигрывать почти каждую сессию? Статистически это маловероятно без... посторонней помощи.

Его пронзительные голубые глаза пристально изучали меня, пока он продвигал мою первую карту по сукну. В этих глазах было что-то тревожно знакомое – бездонная океанская синева, которая вызвала мимолетное чувство дежавю, прежде чем это чувство исчезло так же быстро, как и появилось.

– Интуиция, – просто ответила я, сохраняя ровный голос, несмотря на внезапно пересохшее горло.

Дилер коротко, безрадостно усмехнулся. – Логично, – согласился он, хотя его тон говорил о том, что он мне ни капли не верит.

Пока игра продолжалась, мне пришли девятка и Кинг – в сумме девятнадцать. Большинство игроков на этом бы остановились, поскольку, взяв еще одну карту, можно было получить перебор. Но по едва уловимым знакам дилера и моим собственным расчетам я подозревала, что его закрытая карта – десятка, что давало ему вероятные двадцать очков.

Настал решающий момент – брать еще или остановиться?

«Матильда, ты здесь?» – мысленно позвала я, надеясь на подсказку.

После молчания длиной в два удара сердца тот самый отчетливый зрелый женский голос ответил, прозвучав в моем сознании ясно, как звон колокольчика: «Бери».

Медленно выдохнув, чтобы успокоить нервы, я постучала по столу. – Еще.

Третья карта скользнула ко мне с мучительной медлительностью. Отточенным движением я приподняла уголок ровно настолько, чтобы увидеть... двойку. Идеально. Ровно 21.

Перевернув свои карты лицом вверх, я увидела, как дилер вскрыл своего скрытого валета, подтверждая мое подозрение – у него было 20.

Еще одна победа. Я мысленно поблагодарила ту причуду химии мозга или сверхъестественную силу, что подарила мне Матильду. «Спасибо!» – горячо подумала я.

Как обычно, ответа не последовало. Матильда никогда не вступала в ненужные разговоры и появлялась не каждый раз, когда я ее звала. Когда она все же говорила, ее слова всегда были скупы, произносимые голосом, который звучал напряженно, словно каждый слог требовал огромных усилий. Иногда я представляла ее себе немощной больной, экономящей свои ограниченные силы только для самых важных указаний.

Методично, раздача за раздачей, моя стопка фишек выросла до внушительных размеров. Знать, когда уйти, было так же важно, как и знать, как выигрывать, поэтому, когда моя стопка достигла заранее определенной суммы, я подала знак, что заканчиваю.

– Обменять на крупные? – спросил дилер, уже потянувшись за фишками более крупного номинала.

Я кивнула, обменивая свою россыпь мелких фишек на меньшее количество крупных, которые будет легче обналичить. Все это время я чувствовала на себе оценивающий взгляд дилера, но тщательно сохраняла невозмутимое выражение лица.

Когда я собралась покинуть стол, леденящий душу крик разорвал фоновый гул казино, состоявший из шума игровых автоматов и приглушенных разговоров.

– ВЕРНИТЕ МОИ ПРОКЛЯТЫЕ ДЕНЬГИ!

Резко обернувшись, я увидела тучного лысого мужчину, дико размахивающего пистолетом, лицо которого исказилось от ярости. Служба безопасности немедленно пришла в боевую готовность, а посетители бросились врассыпную от источника беспорядка. Мужчина сделал два предупредительных выстрела в потолок, осыпав все гипсовой пылью.

– ВСЕМ СТОЯТЬ, БЛЯТЬ, НА МЕСТАХ! – проревел он, схватив женщину средних лет за волосы и приставив пистолет к ее виску. – ОНИ ВСЕ ЗАБРАЛИ! МОИ ПЕНСИОННЫЕ НАКОПЛЕНИЯ! ДОМ МОЕЙ МАТЕРИ!

Начальник охраны осторожно приблизился с поднятыми в умиротворяющем жесте руками. – Сэр, пожалуйста, успокойтесь. Давайте обсудим это рационально...

– РАЦИОНАЛЬНО? ВЫ ДУМАЕТЕ, ЭТО РАЦИОНАЛЬНО? – Голос стрелка срывался на истерику. – Я ВЫИГРЫВАЛ МИЛЛИОН! ОНИ ЗАСТАВЛЯЛИ МЕНЯ ИГРАТЬ! ЭТО БЫЛА ПОДСТАВА!

Пригнувшись вместе с другими перепуганными посетителями, моим первым инстинктивным действием было обезопасить свой выигрыш, глубже засовывая фишки в карман. К несчастью, это легкое движение привлекло внимание стрелка.

– НЕ ДВИГАТЬСЯ, БЛЯТЬ! – заорал он, направляя оружие в мою сторону.

В это застывшее от ужаса мгновение слева от меня метнулась какая-то фигура, сбив вооруженного мужчину с ног. Пистолет выстрелил с оглушительным ГРОХОТОМ, и оба мужчины рухнули на стол для блэкджека, рассыпая во все стороны фишки и карты.

В течение нескольких ударов сердца я не могла осознать, что произошло. Боли не было – в меня попали? Я уже мертва? В ушах звенело от выстрела, а зрение расплывалось по краям. Оцепенев, я посмотрела на себя, ожидая увидеть кровь, но мое тело казалось невредимым.

Затем сильные руки обхватили меня, прижимая к крепкой груди. Я почувствовала запах дорогого одеколона, смешанного с запахом пороха. Голос, который я не узнала – и все же каким-то образом знала, – произнес у самого моего уха, срываясь от эмоций: – Пенелопа... Боже мой, ты не ранена?

Я подняла глаза, и мой мир сузился до пары глаз цвета океанской синевы – точно такого же оттенка, как у дилера, но бесконечно более знакомых. В этих глазах читались узнавание, беспокойство и что-то еще, чего я не могла определить. У меня перехватило дыхание, когда меня захлестнул поток необъяснимых эмоций, хотя я, хоть убей, не могла понять почему.

Хаос вокруг, казалось, превратился в фоновый шум, пока я смотрела в эту невероятную голубую бездну, чувствуя, что вот-вот вспомню что-то жизненно важное... прежде чем оно снова ускользнуло.

13 Невыразимая любовь

Остин ПОВ

В тот миг, когда я впервые увидел Пенелопу, какой-то первобытный инстинкт предупредил меня, что моя жизнь никогда не будет прежней. В тот день, когда София притащила ко мне эту истощенную, тонкую как тростинка девчонку и, впиваясь ногтями в руку ребенка, заставила ее назвать меня «братом», я, помню, едва сдержал презрительный смешок. Эта охотница за положением в обществе так отчаянно пыталась укрепить свои позиции, что заставила собственную дочь пресмыкаться передо мной. Жалкое зрелище.

Тогда я поклялся, что никогда их не приму. Никогда не полюблю. Никогда не признаю своей семьей.

Но дни сменялись неделями, и я начал замечать странные различия между матерью и ее чудной, молчаливой дочерью. В отличие от постоянного заискивания и расчетливой лести Софии, девочка, которую я про себя прозвал «стручком», ни разу не попыталась снискать мое расположение. Она не устраивала драматических сцен, как Эмма. Она просто... существовала. Тихая тень в углах нашего дома, ее мысли были заперты за этими тревожно-глубокими глазами, которые, казалось, видели слишком много, но ничего не выдавали.

Хоть и недалекая умом, она оказалась послушной до безобразия. После тщательного обдумав, я великодушно решил позволить ей существовать в моем мире – как сестре, не более.

Но когда именно все изменилось? Когда я начал избегать ее взгляда, словно суеверный крестьянин, боящийся сглаза?

Возможно, все началось с первых едва заметных изгибов полового созревания. Может быть, тем невинным днем, когда ее маленькая ручка скользнула в мою во время грозы. Или, возможно, той проклятой ночью, когда я проснулся в поту и с болью во всем теле от снов, которые не должны сниться брату о сестре.

Что бы ни стало катализатором, я больше не мог притворяться, что она просто часть семьи.

Ни один здравомыслящий мужчина не фантазирует о поцелуях с сестрой. Ни один порядочный человек не видит влажных снов о том, как трахает сестру. И уж точно никто, кроме самого порочного ублюдка, не будет лежать без сна, представляя, как туго ее девственная пизда обхватит его член.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.